

О культурном статусе керамики елшанского типа

Работа по изучению памятников эпохи неолита на территории Самарского Поволжья ведется в течение нескольких последних десятилетий. У истоков деятельности по исследованию неолитических древностей в регионе стоял И. Б. Васильев, с именем которого связано определение керамики елшанского типа как древнейшей и предшествующей по времени остальной неолитической керамике (Васильев, Пенин, 1977. С. 18). За время, прошедшее с момента выделения керамики елшанского типа в Самарском регионе и на

смежных территориях, получены массовые и разнообразные материалы с десятков археологических памятников эпохи неолита. Некоторая их часть представлена небольшими коллекциями, собранными с поверхности разрушенных памятников, но есть и коллекции, полученные в результате раскопок, в которых количество находок исчисляется несколькими тысячами единиц хранения. По мере увеличения фонда источников эпохи неолита происходило закономерное осмысление полученной информации. В той или иной

мере успешно решались как частные задачи, так и вопросы общего характера. В настоящее время, несмотря на то, что среди специалистов имеются некоторые разногласия по поводу имеющихся материалов, ими предлагаются примерно одинаковые схемы развития неолитических памятников и их культурная атрибуция.

Так, совокупность неолитических памятников в регионе по-прежнему продолжает пониматься как волго-уральская культура (Моргунова, 1984. С. 6–9) или средневожская культура (Васильев, Выборнов, 1988. С. 35–36). В последнее время дано определение части неолитических комплексов, как елшанской культуры (Мамонов, 1999. С. 42), понимаемой автором определения как наиболее ранней в неолите региона. Таким образом, все известные на сегодняшний день неолитические памятники получили соответствующую оценку и заняли определенное место в культурно-хронологической шкале неолитических древностей.

Огромный интерес вызывает сама процедура выделения археологической культуры. Несомненно, что выделению культуры предшествует некая последовательность действий, алгоритм работы с материалом, в результате применения которого возникает новое качество. Это качество — знание об артефактах, их признаках, группировке признаков и артефактов. В данном случае новая археологическая культура выделена с использованием теоретической базы, определяющей последовательность действий по систематизации признаков и типов, эмпирически характеризующих елшанскую культуру в целом, т. е. избран метод отбора и группировки типов путем их корреляции (Мамонов, 1999. С. 34).

Попытаемся выяснить, насколько имеющийся результат отражает действительность.

Согласно приведенным данным (Мамонов, 1999. С. 15–42) к елшанской культуре в настоящее время могут относиться следующие памятники: I и II Старо-Елшанские стоянки, I и II Максимовские стоянки, IV Чекалинская, II Нижне-Орлянская, Ивановская, Луговое III, Лебязье I, II Больше-Раковская, Ильинская, Красный Городок, Захар-Калма, Виловатовская. На всех стоянках, действительно, имеется керамика I или I и II елшанских типов. Руководствуясь указанными соображениями, стоит отметить, что памятников чуть больше, и, исходя из предлагаемых характеристик культуры, имеющийся список можно расширить. Впрочем, данное замечание не имеет принципиального характера. Нет также сомнения в том, что новые памятники, открываемые в регионе целенаправленно или случайно и практически ежегодно, безусловно, будут увеличивать представительность списка.

Стоит вспомнить, что, описывая своеобразную елшанскую керамику I типа и делая акцент

на ее архаичности, И. Б. Васильев отмечал наличие на этом же памятнике и других групп керамики — с накольчатым и гребенчатым орнаментом и залегающей выше елшанской (Васильев, Пенин, 1977. С. 18). Тем не менее, не имея никаких препятствий для констатации новой культуры, он ограничился выделением только одного типа неолитической керамики. Возможно, препятствием для выделения новой культуры в то время могла послужить малочисленность как керамических фрагментов I елшанского типа, так и памятников с подобной керамикой.

В этой связи специально отметим, что на ряде памятников, относимых к елшанской культуре, а именно: на I и II Старо-Елшанских стоянках, Ивановской, II Больше-Раковской, Ильинской, Красный Городок, Захар-Калминской, Виловатовской стоянках, в свое время была найдена не только типичная елшанская керамика — без орнамента или только с ямочно-жемчужным пояском. Кроме елшанской, на перечисленных памятниках присутствовала также керамика с накольчатым и (или) гребенчатым орнаментом, и стратиграфическое или планиграфическое соотношение всех групп керамики не установлено. Применительно к указанным памятникам стоит сделать акцент на том, что убедительных данных о предшествовании какой-либо одной из известных в настоящее время групп неолитической керамики не получено. Чистые комплексы елшанской керамики известны только на двух памятниках — из нижнего слоя Чекалино IV (Мамонов, 1995. С. 3–25) и, возможно, на стоянке Нижняя Орлянка II (Колев, Ластовский, Мамонов, 1995. С. 50–110). Характеристики этих двух комплексов и были использованы при выделении елшанской культуры с автоматическим их переносом на все неолитические памятники, где представлена керамика I и II елшанского типов. Наличие, по крайней мере, двух елшанских комплексов в чистом виде заставляет задумываться о возможности выделения елшанской культуры. Но это не дает оснований полагать, что подобные комплексы должны быть на всех неолитических памятниках в качестве наиболее ранней керамики.

Выделяя керамику II елшанского типа, И. Б. Васильев и А. А. Выборнов уточняли, что совместно с ней встречается керамика с прочерченным орнаментом, орнаментированная разреженными рядами и группами наколов, выполненных в отступающей манере (Васильев, Выборнов, 1988. С. 25). В этом случае предполагалась синхронность обеих групп керамики и их более поздняя хронологическая позиция относительно керамики I елшанского типа. Но в публикации, посвященной выделению елшанской культуры, предположение о разновременности групп керамики отвергнуто ссылкой на ком-

плекс Красного Городка, где найдены оба типа елшанской керамики и керамика с прочерченным и разреженно-накольчатым орнаментом, залегающие совместно (Кузьмина, Ластовский, 1995. С. 42). Действительно, на стоянке Красный Городок остродонная тонкостенная керамика сосуществует с плоскодонной толстостенной. И не получено таких стратиграфических, планиграфических или иных данных, с помощью которых можно было бы хронологически разнести эти типы керамики по разным горизонтам. Однако сосуществование двух типов керамики на упомянутом памятнике, их одновременность, не является доказательством раннего возраста плоскодонной керамики (впрочем, как и позднего возраста остродонной керамики). Ранний возраст стоянки Красный Городок предполагался, исходя из относительно высокого процента пластин и орудий из них в кремневом комплексе памятника, а это, как выяснилось со временем, неверное предположение. В настоящее время требуется другая система доказательств. Тех, которые приведены в публикации памятника, недостаточно, с их помощью невозможно решить проблему датировки залегающих совместно I и II типов елшанской керамики.

Исходя из представлений о датировке стоянки Красный Городок, во вновь определенной культуре однокультурными и синхронными стали рассматриваться не только керамика I и II типов, но и керамика с прочерченным орнаментом, керамика с разреженными наколами и даже керамика, орнаментированная шагающим штампом (Мамонов, 1999. С. 24–25). Вновь сделаем акцент на том, что с самого начала изучения неолитических древностей в регионе не предпринималось попыток типологического деления керамики с разным — прочерченным, накольчатым или гребенчатым орнаментом.

Даже при условии, что акцент делается все-таки на наличии типичной елшанской керамики, определить культурную принадлежность памятника в каждом конкретном случае невозможно. Так, исходя из предложенной характеристики елшанской культуры, из характеристики керамики и типов кремневого инвентаря, мы без сомнений должны отнести к елшанской культуре не только некоторые, недавно исследованные стоянки в Ульяновской области (Вискалин, 2002. С. 274) или в Примокшанье (Ставицкий, 1999. С. 40), но и стоянки на Рязанщине или на Вятке (Гусенцова, 2000. С. 306–310). Действуя согласно предложенным рекомендациям, мы действительно недалеко от того, чтобы сомкнуть границы елшанской культуры с культурой эртебелле.

Складывается впечатление, что при выделении новой культуры вся керамика, которая подпадает под характеристику елшанской керами-

ки, данную И.Б.Васильевым, искусственно изымается из массива коллекции, полученной с каждого конкретного памятника, и эта часть керамики рассматривается как относящаяся к елшанской культуре.

В конструкцию культуры включены сосуды, подходящие по форме и отсутствию орнамента: остродонные тонкостенные, плоскодонные толстостенные или вариации этих форм. Как же быть с сосудами, такими же по форме, но с гребенчатым или накольчатым орнаментом? Принадлежат ли они елшанской культуре? Судя по содержанию не только разбираемой статьи, но и некоторых других работ — нет, не принадлежат. Получается прямолинейно и однозначно: орнамент, техника его нанесения и композиция лежат в основе выделения культур или хронологических групп.

Да, действительно, общепринято, что орнамент на керамике является отражением мировоззренческих стереотипов ее изготовителей. Орнамент выражает принадлежность к определенной этнической или племенной группе, отражает и выражает определенную традицию, закодированную в его элементах и структуре. Но керамика как таковая, как сфера производства, находится вне сферы традиций и норм, определяемых этносом на «докерамической» стадии развития. Это приемлемо к мезолитическому населению, не знакомому с производством керамики, и поэтому, в этом смысле, не имеющему традиций. Широко известен обычай жесткого запрета всего того, что не определяется традициями этноса или племени. Регламентироваться, очевидно, может использование нетрадиционного оружия или его составляющих, способы, объекты и сезонность охоты или собирательства, и это традиция, сформированная, закреплённая в социальном опыте и передаваемая через поколения. Но такая традиция или совокупность традиций не может распространяться на керамическое производство, особенно на его ранние фазы. Не случайно ранняя керамика на большой территории обладает *сходной формой и, возможно, сходной технологией* изготовления. Возможно, это объясняет восприимчивость мезолитического населения к данной новации, его способность к заимствованию керамики, при отсутствии каких-либо традиционных ограничений. Ранняя керамика бедна орнаментацией или совсем не содержит таковой, и это также подразумевает отсутствие выработанных стереотипов в оформлении первой керамики (но, возможно, не в изготовлении). Керамика не расценивается как традиционная принадлежность этносу, не ассоциирована с ним. При условии заимствования керамического производства орнамент не может быть заимствован, а создается культурой-реци-

пиентом, вот почему на больших территориях со временем может наблюдаться присутствие посуды сходной формы, но с разным орнаментом. Со временем, когда вырабатываются локальные особенности керамического производства, и появляется орнаментация, позволяющая уверенно различать группы людей, обладающих набором сходных или различных стереотипов. Но составляет ли каждая из этих групп отдельную культуру? В целом же, применительно к распространению первой керамики, можно говорить о том, что происходит распространение новой технологии — технологии изготовления керамики. Во многих известных случаях технологии распространяются быстрее, чем отдельно взятые культурные элементы, и более совершенные технологии вытесняют архаичные.

Если исходить из того, что различия между неолитическими культурами, при отсутствии других данных, устанавливаются по орнаменту, то с сожалением приходится констатировать, что подобный подход ведет к дискретности получаемых при раскопках комплексов. Такого рода дискретность материалов эпохи неолита, подчеркнем, искусственная дискретность, как будто бы способствует выделению археологических культур, позволяет упрощать процесс обособления одной группы памятников от других групп. Но вряд ли за такой дискретностью могут стоять историко-этнографические реалии, на которых настаивают отдельные авторы.

А если говорить о развитии археологических культур, при условии, что они обладают малейшей долей конкретности и наполнены этнографическим содержанием, на чем настаивают отдельные исследователи, то при подобном подходе дискретны и культуры. Если же археологическая культура только продукт абстракции, то подобный подход может быть и оправдан.

Судя по содержанию работ, посвященных анализу елшанской керамики, следует заметить, что аналогии елшанской керамике, усматриваемые в целом ряде культур и в том числе на удаленных друг от друга территориях (днепро-донецкая культура, памятники струмеля-гастятинского типа, памятники дубичайского типа, памятники дарьясайского типа, культура эртебелле), имеют лишь один смысл. А именно: этими аналогиями подчеркивается архаический, весьма ранний в пределах неолитической эпохи характер елшанской керамики, которая, несомненно, имеет самостоятельный статус, определяемый исключительно по совокупности морфологических признаков. Но этот статус не культурный, а, скорее, статус «первой керамики», которая может появляться в самых разных мезолитических культурах. Вместе с тем, приводимые для елшанской керамики аналогии не вправе претендовать ни на раскрытие возможного источника появления комплексов с

керамикой елшанского типа, ни на определение даты их существования, ни на их культурную ориентацию. Сходство керамических материалов на обширной территории, которое так привлекает исследователей своей очевидностью — мнимое и определяется оно, прежде всего, ограниченностью и простотой технических приемов, применяемых в наиболее раннем керамическом производстве. Следует заметить, что аналогии по другим категориям материальной культуры и, в первую очередь, по каменному инвентарю, исследователями приводятся не всегда уверенно, с различного рода допущениями. И это не удивительно, поскольку сравнивается действительно разнотипный каменный инвентарь.

Следует признать, что «елшанская культура» не является археологической культурой в общепринятом смысле. Она представлена памятниками с разнородным керамическим и кремневым инвентарем. Действительно, нет двух памятников этой культуры, инвентарь которых совпадал бы абсолютно. Одной из причин размытости таксономического понятия «елшанская культура» является отсутствие четкого типологического ряда керамики и кремневого инвентаря, поэтому сейчас вряд ли имеется возможность дать полную характеристику елшанской культуры. Причем, несмотря на риторический вопрос о том, а что подразумевается под елшанским типом — «керамика, памятники, артефакты, хозяйственно-культурный тип» (Колев, Ластовский, Мамонов, 1995. С. 64), ответ прост — весьма своеобразная керамика и ничто другое.

Елшанские типы на настоящем этапе изучения должны быть ассоциированы с совершенно определенным явлением — специфической керамикой, остродонной и плоскодонной, слабопрофилированной и имеющей S-видную профилировку, слабоорнаментированной, если иметь в виду целый единственный сосуд со II Старо-Елшанской стоянки, и совсем неорнаментированной. Эта керамика «узнаваема» благодаря сочетанию определенных технико-типологических признаков. Аналогичная по форме, но орнаментированная керамика может рассматриваться как вариант существующих типов или как новый тип, но, несомненно, должна получить развернутое типологическое определение, которого пока нет. Культура может описываться, исходя из соотношения (том числе) типов керамики, но никак не через описание совокупности керамики, или, конкретнее, ее орнамента.

Из всего сказанного выше следует, что по наличию елшанской или похожей на нее керамики в раннеолитических комплексах их культурное сходство или различие не устанавливается или может быть установлено с большими натяжками. Только по керамическому материалу выделение культуры невозможно. Применительно к каждо-

му конкретному памятнику определяющим будет каменный инвентарь, поскольку только он все еще является в раннем неолите традиционным, отражающим реальные различия между группами людей. Поэтому стоит обратить внимание на предложенную характеристику каменного инвентаря елшанской культуры. Позволяет ли «операциональный подход» выявить реальные сходства и различия в приведенных типах или группах инвентаря?

Обратимся к предложенным описанию каменного инвентаря и рисункам, иллюстрирующим это описание.

Благодаря исследованию памятников Чекадино IV, Нижняя Орлянка II установлено, что пластинчатое расщепление несвойственно комплексам елшанской культуры. Это несомненный успех, благодаря которому стало возможным исключить из числа возможных претендентов на основу для формирования неолитических елшанских комплексов мезолитические памятники с пластинчатым расщеплением (с микролитическим инвентарем, по существующей терминологии). Вместе с тем, на рисунке (Мамонов, 1999. Рис. 7) представлены нуклеусы, соответствующие различным технологическим подходам к расщеплению: во-первых, нуклеусы призматического и плоскостного принципов расщепления и, во-вторых, нуклеусы, ориентированные на получение пластинчатых отщепов и собственно пластин. Осталось за рамками статьи, каков же удельный вес тех или иных нуклеусов в комплексах и какова технологическая норма расщепления для елшанской культуры? Если свериться с приведенным списком памятников елшанской культуры, то мы найдем в этом списке Виловатовскую стоянку, Ильинскую, Красный Городок, в инвентаре которых заметную долю составляют правильные призматические нуклеусы, соответствующие им технологические сколы и конечный продукт призматического расщепления — пластины. В свете этого очевидно, что вопрос о технике расщепления, характерной для памятников елшанской культуры, может иметь и другие решения, не столь простые и однозначные, как это предлагается.

Наконечники, приведенные на рисунке (Мамонов, 1999. Рис. 11), не имеют названия (проще говоря, не приведено название типа, характеризующего выделяемую культуру). Придавать большого значения этому не стоит, поскольку в представленных наконечниках без труда угадывается постсвидерское начало. В данном случае для некоторой части наконечников можно было бы также использовать не менее собирательное, чем предыдущее, название «оленеостровский тип». Суть от этого не меняется. Проблема заключается в другом. Возможно, в силу простоты данной формы, данного «типа», его универсальности, данная группа наконечников не дифференциру-

ется. По крайней мере, не известны сколь угодно успешные попытки осуществить эту дифференциацию. Имеющееся определение свидерских наконечников позволяет без труда отделить их от постсвидерских, которые также имеют свои признаки и наделены определенной спецификой. Но внутреннего деления массива постсвидерских наконечников пока нет. И дело не в том, что на территории Самарского Поволжья таких наконечников значительно меньше, чем в Волго-Окском междуречье — в исконном районе их распространения. Вероятно, в силу все той же универсальности, данные наконечники распространяются с одной территории на другую, из одной культуры в другую, каждый раз ни в какой мере не характеризую культуру, в которой они встречены, не придавая ей определенной специфики, не проливая свет на ее датировку. Ареал распространения этих наконечников и время их бытования способствуют выделению более крупной таксономической единицы, чем культура, и характеризуют процессы, отличные от культурно-генетических процессов, например, адаптационные. Но на роль культурно-хронологического определителя эти орудия, наряду, к примеру, с концевыми скребками на пластинах, не могут претендовать.

Скребки на рисунке (Мамонов, 1999. Рис. 8), призванные представлять елшанскую культуру, в основной своей массе имеют общую характеристику. Дублированные скребки на пластине встречаются на каждом четвертом памятнике эпохи мезолита-неолита, скребки из отщепов со смежными концевым-боковым лезвиями — еще чаще. При этом в комплексах они не менее часто коррелируют не только друг с другом, но еще и с концевыми скребками из пластин и отщепов с обработанными краями или нет. Все это, безусловно, типы, но массовые, не обладающие ни культурной спецификой, ни особым культурным статусом. Следовательно, они не могут определять своеобразие елшанской культуры.

Морфологическое многообразие изделий с резцовыми сколами, приведенных на рисунке (Мамонов, 1999. Рис. 9), с одной стороны, показывает наличие немассовых типов, а с другой — всего лишь отражает использование техники резцового скола в инвентаре того или иного памятника. Если единичные резцы с ретушным и двугранным оформлением известны в инвентаре неолитических памятников, в том числе имеющих позднюю датировку в пределах неолита, то трансверсальные резцы пока не встречены ни на одном из них. Массовые же типы — угловые резцы на пластинах (так же, как и псевдорезцы), действительно многочисленны в тех неолитических комплексах, где наблюдается тенденция, пусть даже и слабая, к призматическому расщеплению. Но, учитывая специфику расщепления,

предлагаемую отдельно для елшанских комплексов (отсутствие пластинчатого расщепления), стоит ли обсуждать угловые резцы на пластинах и их содержание в том или ином комплексе? Их не может быть в елшанских памятниках по определению.

Перечисленные в описании и представленные на рисунках (Мамонов, 1999. С. 34) комбинированные орудия, вне всякого сомнения, также как и концевые скребки или угловые резцы, являются типами. Но утверждение о том, что «составные части елшанских комплексов» (т. е., в данном случае, комбинированные орудия) регулярно повторяются, не отвечает действительности. Мы не располагаем не только такими неолитическими комплексами, где есть представительные наборы типов комбинированных орудий, но и неолитическими памятниками, где бы эти орудия составляли устойчивое сочетание, находясь во взаимной связи, и были бы связаны подобным же образом с другими типами каменного инвентаря.

Собранные на рисунке рубящие орудия (Мамонов, 1999. Рис. 10) вызывают сомнения в их функциональной однородности. Даже не с точки зрения их трасологического определения, поскольку трасология, конечно же, способна безошибочно определить, какой материал обрабатывался и как крепилось конкретное орудие. Речь не идет о том, что одними орудиями рубили дерево, а другими кости. Одинаковы ли они с точки зрения формы, размеров, обработки, сочетания указанных параметров с трасологическими определениями и, в конечном счете, одинаковы ли они с точки зрения типа, чтобы получить статус «елшанских»? Более того, в корректной подаче они целиком или будучи разделенными на группы, должны сами иметь определенную характеристику и что-то характеризовать собой: общность, в которой бытовали подобные рубящие орудия; культуру, из которой были заимствованы представленные формы (считать их в том виде, как они поданы, результатом саморазвития было бы слишком смело). Подобные орудия, как и другие, рассмотренные ранее, если они претендуют на то, чтобы считаться некими типами и обозначать елшанскую культуру, должны иметь соответствующий, недекларированный ранг в иерархии таксонов и занимать определенное место в системе неолитических древностей.

Орудия, помещенные на соответствующем рисунке публикации и определяемые как перфораторы (Мамонов, 1999. Рис. 12), также слишком разнородны с точки зрения оформления, чтобы считать их однотипными изделиями. Указанное обстоятельство, как и в предыдущих случаях, вновь предполагает разные способы использования т. н. перфораторов, их функциональную нео-

днородность, хотя, наверное, с точки зрения все той же трасологии это могут быть безупречные перфораторы, которыми проделано разными способами и не одно отверстие в самых разнообразных материалах. Впрочем, не следует применительно к данному случаю сетовать на отсутствие трасологических определений, даже несмотря на то, что с их помощью устанавливается соответствие формы и содержания предмета. Ясно, что группирование перфораторов с точки зрения их морфологии не безупречно.

Приведенное выше и кратко проанализированное группирование материала в «этной ипостаси», с одной стороны, как будто бы находится в русле «операционального подхода», но, с другой стороны, не дает ответа на, казалось бы, простые вопросы: как коррелируют постсвидерские накопленные и толстостенная плоскодонная керамика типа Красного Городка (II елшанский тип); или как соотносится «шагающий» штамп (он же — «качалка») с использованием илов в качестве пластического сырья для производства елшанской керамики. Идентификация «елшанских комплексов» по-прежнему будет связана с большими сложностями до тех пор, пока нет ответа на эти и еще многие другие вопросы.

Ситуация с выделенной елшанской культурой выглядит запутанной. Для того, чтобы она была более определенной, нужен серьезный анализ всех имеющихся материалов, их классификации и определение типов, которые существуют и, разумеется, сосуществуют в рамках неолитической эпохи. Есть традиционные типы, есть их модификации, есть типы-новации. Нужно для начала выявить эти типы посредством хорошо известных в археологии процедур. Соотношение или баланс этих типов (понятий в археологии) и есть суть археологической культуры (Бочкарев, 1990). Нужно только выявить этот баланс, его реальное содержание, выразить или через описание, или через проценты, или уж применить пионерское решение — ввести новые, дополнительные понятия или определения, чтобы не казалось, что в традиционной археологической типологии наступил застой. И тогда с елшанской культурой, возможно, наступит ясность, по крайней мере, такая, которой нет в настоящее время.

Именно поэтому, вновь возвращаясь к понятию «елшанские комплексы», хотелось бы отметить, что пока все еще более корректно будет говорить не о елшанской культуре и даже не о комплексах керамики елшанского типа, а о керамике елшанского типа в неолитических комплексах. На юге Среднего Поволжья керамика елшанского типа не образует отдельную культуру, она имеет сквозное развитие от раннего неолита к энеолиту, что фиксируется в представительных коллекциях.

Литература

- Бочкарев В.С., 1990.** Процесс культурогенеза и развитие металлообработки на юге Восточной Европы в эпоху поздней бронзы // Доклад на конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Б.А.Латынина. Л.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988.** Неолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев.
- Васильев И.Б., Пенин Г.Г., 1977.** Елшанские стоянки на реке Самаре в Оренбургской области // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев.
- Вискалин А.В., 2002.** Пути неолитизации Волго-Камья // ТАС. Вып. 5. Тверь.
- Гусенцова Т.М., 2000.** Комплекс с неолитической накольчато-прочерченной керамикой Кошкинской стоянки на правом берегу р. Вятки // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Ижевск.
- Колев Ю.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е., 1995.** Многослойное поселение эпохи неолита-позднего бронзового века у села Нижняя Орлянка на реке Сок // Древние культуры лесостепного Заволжья. Самара.
- Кузьмина О.В., Ластовский А.А., 1995.** Стоянка Красный Городок // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара.
- Мамонов А.Е., 1995.** Елшанский комплекс стоянки Чекалино IV // Древние культуры лесостепного Заволжья. Самара.
- Мамонов А.Е., 1999.** О культурном статусе елшанских комплексов // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара.
- Моргунова Н.Л., 1984.** Эпоха неолита-энеолита в лесной зоне Волго-Уральского междуречья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Ставицкий В.В., 1999.** Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. Пенза.